

ПЕРВАЯ ЖЕНА

ДИАНА

РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Первая жена

<https://litres.ru/74203359>

Аннотация

Три года назад муж выгнал меня из дома с грудной дочкой. Сунул под нос липовую бумажку, что дочь не его, и указал на дверь. Я собрала вещи и ушла. А потом узнала, что у него любовниц как грязи. Он спокойно живет дальше. А я... А я осталась с дочкой, у которой слишком большое для этого мира сердце. Больное сердце, ей необходима операция. Я сделала все, чтобы она ее получила, но... Я и в страшном сне не видела, что придется обратиться за помощью к бывшему мужу. *** Я обалдел, когда бывшая заявила ко мне с просьбой: — Спаси нашу дочь! Как хватило наглости?! Выпотрошила меня своей изменой и теперь смеет просить. Что ж... Раз девушка хочет, я помогу. Но спрошу за помощь сполна. Теперь ты станешь моей послушной куклой, милая. *** Лишь через время они оба узнают тайну рождения своей дочери. ♥#♥# Однотомник. ХЭ

Содержание

Глава 1. Просьба	4
Глава 2. Откровения бывшей	14
Глава 3. Сюрприз на день рождения	25
Глава 4. Уродливая сторона его души	33
Глава 5. Разбор полетов	37
Глава 6. Счастливо женатый	49
Глава 7. На букву «М»	54
Глава 8. С тобой	59
Глава 9. Успокой меня	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1. Просьба

Майя

Чем пахнут макушки маленьких детей?

Не знаю, как у других, а макушка моей дочки пахнет счастьем. Эдакая смесь ванили, молока, шампуня с запахом карамели.

Обожаю ее нежные, шелковистые русые волосы. Они такие мягкие, что их невозможно нормально собрать в косичку. Но какие же они бесподобные!

Моя трехлетняя Полинка — ангелочек, особенно когда спит.

Бывает, уложу ее и люблюсь, потому что взгляда невозможно оторвать и потому что знаю, если не случится чудо, ее скоро не станет.

Чудом я называю ту экспериментальную операцию, которая необходима для того, чтобы ребенок мог жить нормальной жизнью. Иначе ей будет все хуже и хуже, и в итоге она задохнется, ее сердце прекратит биться. Оно и сейчас нормально не бьется, с самого рождения было слабым.

Я плачу внутри от всего того, что вывалили на меня врачи. Если с ней что-то случится, я просто умру... От собственного бессилия хочется лезть на стену.

Я так сильно люблю дочку, что ради нее готова на все. Аб-

солютно на все. Даже просить денег на операцию у бывшего мужа, с которым расстались врагами.

Осторожно прикрываю дверь, на цыпочках выхожу из спальни.

В гостиной меня поджидает сестра.

Мне двадцать четыре, она всего-то на четыре года старше, но у нее на лбу уже наметились морщинки. В остальном мы с ней довольно похожи — обе голубоглазые блондинки, худые, невысокие.

— Майя, мне на тебя смотреть больно, — тянет сестра, с сожалением меня оглядывая. — Выглядишь буквально как пугало...

Тут она перебарщивает, конечно. Но синяки под глазами от недосыпа у меня весьма приличные.

— Пожалуйста, звони мне, если что. Я надеюсь, не слишком задержусь. Еще раз спасибо, что согласилась последить за Полей, Лена.

— Ты всерьез решила к нему идти? — поджимает губы сестра. — Он же не даст тебе ничего! Только посмеется, он...

Ленке мой крестовый поход за деньгами к бывшему мужу кажется бредом. Оно и неудивительно, учитывая, как он с нами поступил три года назад. Выпер меня с грудной Полькой из дома, сунув под нос тест ДНК, якобы доказывающий, что она — не его дочка.

Обвинил в измене, плюнул в душу...

Я тогда в полном шоке была.

Как последняя идиотка, разобиделась до конца жизни, собрала вещи и съехала в собственную крохотную однушку, которую как сирота получила от государства.

А надо было судиться с ним до последнего! И доказывать, что дочка его. Тогда не посмел бы нас, как грязь, выкинуть на улицу.

— Он даст денег, — упрямо твержу.

Потому что если нет, то это положит конец моим мечтам вырастить Полю.

Он не может не дать! У него есть, у него намного больше есть.

Артем Булатов, мой бывший муж, всегда был при деньгах, а теперь так тем более. Даже когда мы с ним только встречались, я понимала — он далеко пойдет. Амбициозный дальше некуда, а еще работоспособный, не в меру предприимчивый. Волшебное сочетание, которое рано или поздно делает людей богатыми.

Сейчас и торговая фирма у него, и ресторан, и дом загородный. Я прочитала про него все подробности в интернете. Для него это будет даже не какая-то значительная сумма, так, мелочь.

И теперь он от меня так просто не отмашется, как три года назад, не открестится.

Тогда Польша была красным младенцем с неопределенными чертами лица. Зато теперь это хорошенькая девочка с такими же русыми волосами и ртутного цвета глазами, как и

у самого Артема. Как по мне, они одно лицо, не признать этого невозможно.

Я покажу ему фото и спрошу — есть ли у него еще сомнения, чья она дочка?

Неужели даже после такого сердце не екнет? Должно екнуть.

Пусть она ему не нужна триста лет, но не сможет же он хладнокровно дать ей погибнуть, верно? Это будет уже слишком. Это для любого человека слишком. Я бы, например, с таким грехом жить попросту не смогла.

— Лен, хватит каркать, — я осаживаю сестру. — Я все ему по-человечески объясню. Не зверь же... Ну почти. Тем более что я прошу только половину суммы.

— Чего? — охает она. — И где ж ты наскребла три миллиона? Почку продала? Так вроде все при тебе...

— Не почку, — качаю головой. — Квартиру.

Лицо Ленки вытягивается.

— Ты ебнулась, что ли? — Она аж бледнеет от новой информации. — Ты где жить-то потом будешь после этой операции? С Полькой...

— Снимать будем, прорвемся, — пожимаю плечами.

Если бы была возможность хапнуть какой-то кредит на оставшуюся сумму, я бы и вовсе к бывшему мужу ни ногой.

Но моя скромная трудовая деятельность самозанятой не позволяет такой роскоши. Я — редактор, копирайтер на вольных хлебах, таким больших кредитов не выдают. И сест-

ра мне помочь не может, сама с мужем снимает жилье. А больше никого из родных у меня и нет.

— Богатая, что ли? — фыркает Ленка. — Квартиры снимать — это дорого, Майя...

— Заработаю, — отмахиваюсь от нее. — Сейчас главное — чтобы Булатов помог хоть как-то...

— Да не поможет он тебе, — стоит на своем сестра.

— Полька — копия он. Он не может ее не признать!

Смешно, но в тот момент я вправду верила в то, что говорила.

От отчаяния верила, потому что не знала, где еще раздобыть оставшуюся сумму, и умирала от страха за дочку.

Артем

Я лениво провожу пальцем по крышке ноутбука, захлопываю его и откидываюсь на спинку рабочего кресла.

Прижимаю телефон к уху, но не особенно вслушиваюсь в бубнеж жены, который льется из динамика. А она продолжает трещать, да с таким воодушевлением, будто вправду верит, что мне интересно.

— Я выгляжу в этой шубе, как будто с картинки. Белый мутон, стильная... Я видела такую на фото той блогерши, ну, помнишь, я тебе рассказывала...

Мне прям любопытно, почему я должен помнить какую-то там блогершу.

— Зачем тебе шуба в марте? — спрашиваю с ленивым смешком.

Она и зимой-то в Краснодаре не особенно нужна, у нас снег бывает два раза в год, и то не каждый.

Но Инесса продолжает упорно рассказывать мне про шубу:

— Представь меня в этой роскоши, надетой на голое тело... Я приду к тебе такая в кабинет...

О, сейчас станет просить денег.

Я уже давно научился определять такие моменты.

И она не разочаровывает:

— Всего миллион. Один маленький миллиончик...

Один. Маленький. Действительно, какие мелочи.

— Ну Артемчик, милый... — начинает канючить она.

Сука, год женаты, а она до сих пор не может запомнить, что я, на хрен, никакой не Артемчик! Вообще терпеть не могу всевозможные уменьшительно-ласкательные прозвища. Я дите, что ли, чтобы на подобное отзываться? Я взрослый, состоявшийся мужик.

Со мной даже в детстве практически никто не сюсюкал.

Лицемерные дряни-воспитательницы из детдома не в счет, а больше и некому было...

Мать сдала меня в детдом еще грудным младенцем, а желающих усыновить шkodливого пацана, который вечно вли-

пал в неприятности, ни у кого не нашлось.

Оно и правильно с какой-то стороны. Ведь я мастерски порчу жизнь всем, кто задерживается рядом.

К слову, пора немного попортить жизнь и собственной же-не.

— Нет, — отвечаю ей с нажимом.

— Почему нет? — Инесса искренне удивляется. — Но Артемчик, я...

— Еще раз назовешь меня Артемчиком, я обнулю твой счет. Тогда не только новой шубы не увидишь, но и на всякие спа не будет денег. Я ясно выражаюсь?

— Фу, Артем, ну зачем ты так груб? Я ведь не много прошу, всего лишь...

— Ага, я помню, один миллион.

Для нее не много.

Вот так бездарно я разбаловал девку, которой раньше и штука баксов казалась небом в алмазах. Ладно бы по делу разбаловал, так нет. Ни детей не родила, ни еще какого при-бытка не принесла. Впрочем, сам виноват, не хрен жениться на тупых официантках, которые к тому же давно пренебрегают своими супружескими обязанностями. А если по-русски — у меня в последнее время глобальный недотрах, потому что кое-кто слишком занят своими соляриями, шопингом и прочей херней.

— Не насосала ты на новую шубу, милая, — говорю прямым текстом. — Хреново себя ведешь, не заслужила подар-

ков.

— Ах, ну если дело в этом... — жеманно тянет она. — Так я с удовольствием встану на колени и...

Где у этой женщины мозг?

Ей что, вправду кажется, что мне доставит удовольствие, если она удовлетворит меня за шубу?

Оно как-то по-другому должно быть между мужем и женой. Не так откровенно товарно-денежно, что ли. Я ведь не страшный даже, чтобы мне сосали только для того, чтобы что-то получить. И ростом не обижен, и фигура в порядке, слежу за собой. Даже на лицо — и то не урод. Широкие скулы, прямой нос, серые глаза и русые волосы, даже бородака имеется, чтоб ее...

Смотрю на часы — скоро надо спускаться в зал ресторана.

Там сегодня грандиозный банкет по самому стремному поводу в мире. Мне исполняется тридцатник.

Я не хотел отмечать. В самом деле, кто отмечает тридцатник? Так себе повод, чтобы напоить и накормить кучу гостей. Я вообще дни рождения терпеть не могу.

Но моя новая жена отчего-то решила преподнести мне такой подарок.

Подарок за мой счет.

Все-таки нет у этой женщины мозга. От природы нет.

— Ты, кстати, на праздник являться думаешь, или плотно засела в бутиках? — спрашиваю ее.

— А сколько времени? — охает она. — Ой, я несусь, ми-

лый...

На этом она отключается.

Несется она. Пронесло бы ее в свое время мимо, что ли?

Я массирую виски, пытаюсь переключиться на работу, ведь, как обычно, навалилось. Хорошо бы немного разгрести почту до вечеринки. Для меня, само собой, день рождения — не повод брать выходной.

Погружаюсь в рабочие моменты и выныриваю, только когда секретарь сообщает по внутренней связи:

— Артем Владимирович, к вам жена.

Видимо, моя вторая половина всерьез восприняла претензии и пришла сосать. Так сильно хочет шубу?

— Точнее, бывшая жена, — вдруг огорошивает меня секретарь. — Майя Острова, вы ее примете?

Застываю с вытянутым лицом.

Чего угодно ожидал, но не этого.

Я в таком ахере, что она заявила, что сам встаю с места, выскакиваю в приемную, дабы убедиться своими глазами в том, что это она.

И вправду Майя...

Сердце привычно долбит грудную клетку. Всегда я так — стоит ее увидеть, и понеслась тахикардия во всей красе.

Три года прошло. Три, мать их так, года...

А я все еще реагирую на нее, как юнец, которому ни от кого еще не перепало.

Делаю максимально бесстрастное лицо, спрашиваю:

— Зачем явилась?

— Артем, нам необходимо поговорить, — лепечет она и смотрит на меня с надеждой.

О как. Необходимо ей. А мне на хрен не упало с ней разговаривать! Через три года после развода. Какой смысл?

Послать бы ее подальше, но...

— Проходи, — приглашаю в свое логово.

И она идет.

Не знает, дрянь такая, что там ее по умолчанию не ждет ничего хорошего.

Глава 2. Откровения бывшей

Артем

Майя аккуратно садится на предложенное мной место — диван, что располагается у окна.

Ничего не могу с собой поделать, жадно ее разглядываю.

На ней свободное черное платье до колена. Как на похороны собралась, ей-богу. Видно, не посчитала нужным приодеться для визита ко мне, хотя выглядит...

Да обалденно она выглядит! Даже в черном рубище.

По-прежнему стройная как тростинка. По-прежнему лицо у нее кукольно-красивое, хотя взгляд стал глубже, что ли? Более взрослым. Раньше-то она смотрела на меня, как девочка-ромашка, наивность в глазах зашкаливала. Зато теперь — женщина. Умудренная опытом. Светлые волосы безжалостно стянуты в хвост, а она ведь знает, как мне нравились ее распущенные локоны. Я любил их трогать, ерошить, вдыхать их аромат.

Я ее любил...

— Чем обязан?

Усаживаюсь на диван, чуть поодаль, всматриваюсь в ее лицо.

Майя мнетя, прижимает к груди какой-то белый пакет. Видно, что ей неловко. И, черт подери, я не собираюсь об-

легчать ей задачу. Придаю себе максимум безразличия, чтобы видела, насколько мне все равно на то, что она может сказать.

И все-таки, когда слышу ее просьбу, меня пробирает до самых кишок.

— Спаси нашу дочку! — просит она жалобно.

При этом смотрит на меня с такой мольбой, что меня всего вымораживает.

Спаси нашу дочку...

Нашу, блядь!

Не дочку, которую она нагуляла, пока я пахал за троих, чтобы заработать побольше денег.

Не дочку, которую она наглым образом пыталась выдать за мою, хотя я совал ей в лицо ДНК-тест.

А, сука, нашу!

Очень хочу заорать: «С хрена ли она наша? С каких пор ею стала?»

Один бог знает, чего мне стоит сейчас сдержаться.

Вместо того чтобы схватить Майю за плечо и вытолкать отсюда к чертовой матери, ограничиваюсь коротким:

— Майя, загляни в ее свидетельство о рождении. Там есть мое имя?

Она вздрагивает от моих слов, морщится, снова просит:

— Артем, я бы не просила, не будь ситуация так серьезна. Я бы не...

— А у меня сегодня день рождения, — напоминаю ей.

Мая вдруг выдает:

— Я не забыла, помню. Поздравляю тебя. Я просто не думала, что тебе нужны мои поздравления, поэтому начала не с того...

— А ты вообще, я смотрю, не думаешь, прежде чем что-то делать. — Эти резкие слова вырываются из меня, хотя я всеми силами стараюсь сдержаться.

— Пожалуйста, послушай! — просит она. — Ты же человек! По-человечески послушай...

О, сколько пафоса в голосе, аж пиздец.

Ну да, ну да, эта песня мне знакома. Артем послушай, Артем будь человеком...

Я долго ее слушал в свое время. Заебался снимать с ушей лапшу.

Впрочем, становится любопытно, что она хочет сказать мне в этот раз.

— Хорошо, я слушаю, — киваю.

Вижу, как на ее лице мелькает облегчение. Она радуется, мать вашу!

— Вот! — говорит Майя и достает из белого пакета, что прижимала к груди, какие-то документы, протягивает мне.

— Что это?

Я даже не трачу время на прочтение шапок документов. Их тут куча, какие-то кардиограммы и прочая ересь. Делаю вид, что просматриваю, хотя у самого перед глазами все мельтешит от переизбытка эмоций.

— Выписки из больницы, рекомендации врачей и прочее, — тараторит она. — Здесь все, ты можешь посмотреть, убедиться. Посмотри внимательно, пожалуйста! Это жизненно важно...

Четко чувствую — сейчас будет просить денег.

И она не разочаровывает:

— Не хватает всего трех миллионов...

О как.

Одной миллион на шубу, другой три на нагулянную дочку.

Я им что, банкомат? Как же они меня задолбали.

— Майя, объясни мне по-человечески, почему ты решила попросить денег у меня?

А она вдруг достает фото.

Обычная такая фотография десять на пятнадцать с изображением маленькой русоволосой девчонки, дующей мыльные пузыри. Девочка сама по себе ничего, симпатичная, худая только.

— Ну и? — я вопросительно смотрю на Майю. — Я умилиться сейчас должен? Или что?

А она вдруг говорит:

— Ты разве не видишь, что она — копия ты? Она твоя дочь!

С каким пафосом Майя бросает мне в лицо слова про то, что она растит мою дочку, это надо слышать.

При этом ярко пылает праведным гневом!

Еще бы...

Какой нехороший перед ней сидит мужик. Дите признать не хочет, а она такая умница, даже фото мне принесла в доказательство. Правда, непонятно, что кому доказывает, но это, видно, незначительные детали.

— Майя, я, по-твоему, дурак? — спрашиваю с деланным спокойствием.

Ведь как раз его-то, треклятого спокойствия, во мне в принципе нет и в помине, стоит ей оказаться рядом. Тем более его не может быть, когда поднята такая тема.

Вижу, как Майе хочется ответить на мой вопрос: «Да». Ее выражение лица прямо кричит о желании назвать меня распоследним идиотом на земле.

Дайте деве разойтись, и станет костерить меня последними словами, как не раз делала в прошлом. Но у нее хватает ума не делать этого сейчас, хотя я без труда читаю такое желание на ее лице.

Эх, хотел бы я быть в этой ситуации дураком, который просто сглупил, что-то там перепутал, сам себе придумал...

Да только я — не дурак, вопреки всему, что Майя обо мне думает. И три года назад я им также не был.

Я ведь не с бухты барахты решил в свое время сделать ДНК-тест. Сомнение закралось, когда я понял, что малышка и близко на меня не похожа. Поначалу списывал это на возраст, генетику. В конце концов, не все дочери похожи на своих отцов. Есть черты Майи, и этого мне было достаточно.

А потом случился тот самый переломный момент, когда Майя сделала малышке тест и узнала ее группу крови, которая ничего общего с моей не имеет. И с ее группой крови — тоже.

Тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где собака порылась.

Я сделал гребаный тест.

Охренел от результатов, повторил его.

Будь у меня хоть малейший повод усомниться...

Будь это хоть кому-то выгодно — выставить мою дочку нагулянной, я бы, может, так себя не повел. Я бы смог на этом съехать, как-то убедить себя, что бумажки — это просто бумажки, забить. Но... Но я детдомовец. На тот момент у меня никого, ближе Майи, не было. У нее та же история... И богат я тогда близко не был. Имел кое-что за душой, да, но не более.

Никому, сука, не было выгодно выставлять мою дочку нагулышем, а жену — блядью. Потому-то я и пошел совать результаты тестов ей в нос и требовать объяснений...

Как вспомню, так вздрогну.

Мне было так невероятно хреново, что не хотелось жить. Я в тот момент всякую веру в людей потерял, в женщин в частности. Потому что так врать, как делала это Майя... Для этого природный талант нужен.

— В этой девочке нет ничего на меня похожего, — максимально четко проговариваю каждый звук.

Вроде бы по-русски все сказал. По-человечески даже! Не орал, не долбился в стену лбом и даже кулаком ни разу ничего не треснул. Сдержался.

А Майя нет чтобы оценить мой спокойный тон, наоборот — взрывается как хлопушка:

— Ты только посмотри! Пожалуйста... Хотя раз, внимательно...

Она издевается надо мной. На что там смотреть? Да, у девчонки волосы такого же цвета, глаза, допустим, тоже, хотя на снимке четко не видно. Но мало ли на свете русоволосых и сероглазых людей? Их большинство, сука! Ладно, про большинство загнул, но только в России их точно не один миллион. И что, все мои родственники? Или я части из них прихожусь отцом? Ни хрена подобного. Нет в этой сраной стране у меня родственников. Впрочем, и в других тоже. Нигде нет.

— Майя, — начинаю хрипло.

Уже готовлюсь послать ее с этим фото куда подальше, но не успеваю, потому что она вторую фотку достает.

А фото-то козырное дальше некуда. Минимум туз... а впрочем, даже джокер.

На фото я, трехлетний.

Помню вечер, в который Майя нашла это фото среди моего барахла, еще когда встречались. Завизжала от восторга, выпросила его у меня. Типа ей прикольно иметь фото меня маленького. Мне от этого фото было ни холодно ни жарко. В отличие от некоторых, я не испытываю ненужных сантимен-

тов к куску картона.

Но вот тот факт, что она его сохранила... На хрена, спрашивается?

— И что? — прищуриваюсь, строго на нее смотрю.

— Ты слепой, похоже! — она почти кричит. — Посмотри, сравни! Возьми в руки...

Майя вкладывает столько чувств в последние слова, что невольно тянусь. Беру старое фото из девяностых и новое, современное, принадлежащее ее дочке. Сравниваю.

Но все равно никакой схожести не вижу.

Потому что ее там нет! А то, что мы губы складываем одинаково и смотрим в камеру, будто синхронно приподняв брови, так тому есть вполне логичное объяснение. На фото мы оба — трехлетние дети. Отсюда и схожесть мимики.

— Ничего не екает? — спрашивает Майя.

А у меня екает, да.

Вот только не от того, о чем она думает.

Беру свое фото, вглядываюсь в наивные глаза пацана, который там изображен. Его давно нет. Он давно вырос и огрубел. Этот снимок хранит изображение призрака.

Резко дергаю края своего фото в разные стороны. Оно рвется с характерным звуком, а Майя визжит:

— Ты что делаешь? Зачем... Ой, ой...

Она жалобно стонет, будто ей вдруг становится больно от того, что я отнял у нее что-то по-настоящему ценное.

А мне надоело ее лицемерие.

— Хватит пытаться мной манипулировать, Майя, — строго чеканю. — Ты знаешь, я этого терпеть не могу.

— Какие манипуляции? — охает она. — Я не хотела тобой манипулировать, я хотела, чтобы ты увидел, понял...

Она захлебывается собственными словами.

Уже не сдерживаюсь, начинаю рычать:

— А что это только что было? С этими гребаными фото...

— Я не для этого сюда пришла! — она с силой качает головой. — Я пришла просить тебя о помощи...

— В таком случае ты не с того начала, милая, — тяну с издевкой.

Она замирает, спрашивает с обидой:

— С чего же мне надо было начать?

— С извинений, мать твою! — Грубые слова вырываются из меня, как черт из табакерки.

Будто пружиной вытолкнули.

— Извинений? — она моментально оскорбляется.

Оскорбляется, мать ее так...

Хотя логично. Она тут столько наплела мне на пафосе, а я не повелся, обидно наврное.

Но придется ей съесть ту обиду и закусить собственной гордостью, если хочет, чтобы я хотя бы задумался о том, чтобы ей помочь.

— Извинений, да, — я киваю с апломбом. — Неплохо бы начать с них, несложно же, да? Извини меня, Артем, за то, что я нагуляла нашу дочку...

— Это все, что ты хочешь? — спрашивает она выцветшим голосом. — Чтобы я извинилась? Я извинюсь, если тебе так надо, если тебе от этого жить будет легче. Ради дочери я готова на все... Но разве тебе вправду станет лучше от моих извинений?

От купленных за три миллиона? Пожалуй, что нет.

Мне становится еще более тошно, если это вообще возможно. Она все перекрутила на свой лад. Как только умудрилась?

— Извинишься? — спрашиваю с прищуром.

— Извинюсь, — она смотрит на меня с осуждением, чем выбешивает окончательно.

Это не она должна меня осуждать, все наоборот.

— Хоть и не виновата ни в чем, но извинюсь, раз ты так хочешь...

Слышу это, и меня несет окончательно:

— Ок, детка, давай. Сейчас внизу собирается нехилая такая толпа людей, все про мою честь. Перед ними все скажешь: «Я, блядь, изменявшая своему мужу, нагуляла ребенка. Я прошу прощения за то, что я — лживая сука, предательница...» Там будет видеосъемка, кстати. Заснимут мне на память. Ты ведь не возражаешь, да?

Майя застывает на месте, смотрит на меня с такой обидой, будто я только что отвесил ей пощечину или даже десять.

— Ты серьезно, Артем?

— Еще как, — киваю. — Ну? Да? Нет? А раз нет, тогда

пошла вон отсюда. Раз все, что ты в состоянии говорить, — это сплошной пиздеж.

— Я ни в чем тебе не врала! — ее голос дрожит.

— Только что соврала, — спускаю ее с небес на землю. — В том, что ты ради дочки на все готова, только что спиздела. В чем еще?

Я все-таки добиваюсь того, что хочу.

Майя вспыхивает, шипит на меня змеей, а потом вскакивает с места и выбегает из кабинета.

Ну все, ушла.

После такого точно не вернется, триста раз подумает, прежде чем что-то там у меня просить.

Я в очередной раз перегнул палку или даже сломал ее к чертям, что скорей всего.

Добился, чего хотел, задел ее за живое, и она сбежала.

Жаль, я остался...

Когда? Сука, ну когда же у меня из-за нее перестанет так болеть в груди, а?

Глава 3. Сюрприз на день рождения

Артем

После ухода Майи мне, мягко говоря, не по себе.
Чувствую себя паршивее некуда.

Сажу за ноутбуком, смотрю на экран, где отображается обилие писем, которые собирался разобрать. А перед глазами мутно... Как будто смотрю в омываемое проливным дождем окно.

Не так я представлял нашу с Майей новую встречу... Не такого ждал.

Я вообще давно ожидал хоть какой-то встречи, пусть мимолетной.

Ведь не могут два человека жить в одном городе и никогда не встречаться. Не бывает такого!

Особенно первое время ждал, после того как бывшая жена собрала вещи и ушла.

Но Майя самоустранилась из моей жизни с такой легкостью, что это оскорбляло едва ли не больше, чем сам факт того, что она никогда не была мне верной.

Разводились через адвокатов, даже в суде не встречались. Я из принципа, а она... Хрен ее знает почему. Гордая не в

меру.

Бывшая жена до этого дня ни разу не появилась передо мной. Ничего не попросила ни для себя, ни для пигалицы этой мелкой, которую я никогда не назову дочерью. Она даже не подала на раздел имущества, хотя ей было на что претендовать, даже в то время.

А я ждал.

Да.

Я долго ждал.

Пахал, как десять волов, чтобы стать круче, значительнее, чтобы ее раздавило просто, когда все-таки дойдет, кого в моем лице она потеряла. Смаковал момент, когда для чего-то ей понадобится...

Только не понадобился ни хрена.

Целых три года был совершенно не нужен.

И вот теперь явилась... С хрена ли?

Неужели дела действительно обстоят так паршиво?

Что-то с трудом верится. Будь у нее такие проблемы с ребенком, уже давно стучалась бы во все двери, и в мою в первую очередь. Но она не стучалась. Почему? Да попросту потому, что все не так ужасно, как она пыталась показать. А значит...

Чую-чую, кто-то хочет меня наебать.

У меня с этим всегда хорошо обстоят дела. Шестое чувство подсказывает, когда какая-то свинья пытается воспользоваться мной или благоприятными обстоятельствами.

Наверное, Майя просто прочитала про меня в новостях, ведь я развернул полномасштабную рекламную кампанию по случаю открытия сети ресторанов. Скорей всего, так и есть.

Как вообще люди верят друг другу? Не понимаю. Я вот давно никому не верю, и бывшей жене в первую очередь.

Снова оживает динамик внутренней связи, секретарь общается мне:

— Артем Владимирович, к вам жена.

Гребаное, сука, дежавю.

Вернулась?!

Рисковая барышня, однако.

Так, ладно, теперь надо только спокойно. Как-то нежнее с ней, что ли, обходительнее. Чтобы опять не удрала как ошпаренная...

Ладно, я согласен послушать, что там у нее случилось с девочкой. Так уж и быть, постараюсь вникнуть в ситуацию, я ж не зверь какой.

Три миллиона, в конце концов, для меня совершенно не деньги.

— Пусть проходит, — сообщаю секретарю.

Впиваюсь взглядом в дверь, хотя и стараюсь выглядеть отстраненно.

Очень скоро дверь открывается, но на пороге появляется совсем не Майя.

— Инесса? — мое лицо вытягивается.

Испытываю лютное разочарование.

— А что ты так удивляешься, милый? — мурлычет она,
— У тебя что, есть какая-то другая жена, которая может к тебе заявиться?

При этом она кокетливо на меня смотрит, крутится передо мной.

Только тут замечаю, что она в новой, мать ее так, шубе! Белой, доходящей ей до задницы. При этом явно из салона красоты — светлые локоны лежат уж больно аккуратно, да и физиономия накрашена непривычно ярко.

— Милый, ты готов развернуть свой подарочек? — Она проходит к моему столу, усиленно показывая, что подарочек — это она и есть.

— Где взяла денег на шубу? — смотрю на нее в упор.
Я ведь не отправлял.

Она дует губы и отвечает:

— Взяла ма-а-ахонький кредитик... Ты же оплатишь его, да, милый?

Сука... меня только что наебали на миллион.

Смотрю на то, как лыбится от удовольствия Инесса, и дико злюсь.

Вздрычить бы ее за это, совсем вышла за рамки.

Но...

Но, во-первых, некогда — мы уже опаздываем, внизу начинается праздник, прибывают гости. А во-вторых... Сейчас я не хочу тратить на нее ни грамма своих эмоций.

Мне встречу с Майей переживать вкусно, а не вот это вот

все.

— Мы поговорим об этом потом, — строго ей отвечаю.

А она кажется довольной моим ответом. Готова на что угодно, чтобы не нести финансовую ответственность.

— Так как? — Инесса кокетливо на меня смотрит.

Потом распахивает шубу, а под ней порно-платье — красное, состоящее почти сплошь из кружев.

— Можно мне опуститься на колени и...

И еще вчера или даже сегодня днем я, вполне возможно, на это повелся бы. Потому что минет эта мадам делает такой, будто пылесосом все хреновые мысли засасывает. Рвотный рефлекс у нее отсутствует напрочь.

Но сейчас не хочу. Не хочу, и все тут.

— Нас ждут гости, — киваю в сторону двери.

— Что ты, милый, это не займет много времени. — Она подмигивает мне, наклоняется над столом, демонстрируя декольте.

А оно и вправду не заняло бы, учитывая мой спермотоксикоз.

Но передо мной до сих пор стоит лицо бывшей.

— Я сказал, пошли, — качаю головой. — Ты бы переоделась, что ли? Одета как шалава...

Инесса тут же оскорбляется, тянет обиженно:

— Это, вообще-то, последний тренд, ты отстал от жизни, милый.

Ну да, ну да, мне ж тридцатник, а ей двадцать пять. У нас

прямо гигантская разница в возрасте, а точнее в мировоззрении.

Делаю вид, что не слышу последнего ее высказывания, захлопываю крышку ноутбука, встаю с кресла и направляюсь на выход.

Инесса семенит следом.

Пока мы спускаемся на первый этаж, я все кручу в голове ситуацию с Майей и этой... как ее там? Польша, кажется? Ладно, имя ее дочки я помню — и хотел бы забыть, да не забывается.

Все-таки неверно я поступил сегодня.

Надо было хоть документы проверить, вдруг и вправду дело серьезное.

Майя меня, наверное, после недавнего считает последним жлобом. Зажилил денег малышке на операцию. Сто пудов она так и думает. Вот только дело-то совсем не в деньгах. Может, взять да сломать стереотипы бывшей? Кинуть ей на карту денег, пусть заглотится? От такого поступка она охренела бы знатно.

Ага, ага, а Майя их заслужила? Ни-хре-на...

Мне вот никто ни разу в жизни подобных подарков не делал.

Я до четырнадцати вообще в принципе не знал, что такое нормальная одежда, сытый желудок и вообще. А в четырнадцать хватило ума слинять из ада, который по недоразумению называют детским домом, ведь с нами там обращались

как с тварями.

Я начал крутиться сам, подрабатывать на рынке, потом потихоньку-помаленьку дорос до своего ларька... А дальше по накатанной. Даже высшее экономическое образование получил. Правда, отучился на заочном, но кого ебут эти детали?

Короче, лично мне жизнь ничего не подносила на блюдечке с голубой каемочкой. Почему я должен поступать по-другому?

А все-таки совесть есть.

Если бы Майя как-то по-другому ко мне подошла, по-человечески попросила, а не вылила на меня вот это вот все...

Додумать мысль не успеваю.

Когда мы спускаемся, в зал ресторана начинают прибывать гости.

Их много, в сумме, если вспомнить список гостей, наберется около пятидесяти человек. Инесса умудрилась пригласить всех, с кем мы хоть раз обедали или ужинали за треклятый год.

Я здороваюсь с людьми, потихоньку отвлекаюсь от недавних событий.

И вдруг чувствую, как острый локоть Инессы пихает меня под ребро.

Она наклоняется и злобно шипит мне на ухо:

— Что здесь делает твоя бывшая, Артем?

Я резко поворачиваюсь в сторону, куда она смотрит.

И вправду вижу Майю. Она забирает микрофон у ведущего.

Глава 4. Уродливая сторона его души

Артем

Я не верю тому, что вижу.

Майя действительно собирается это сделать?

Очень решительно выходит на небольшую сцену, откуда еще недавно что-то вещал ведущий торжества.

Надо же, микрофон ко рту подносит, ищет меня взглядом. Не успокаивается, пока не находит.

Конечно, шоу ведь для меня.

А потом я слышу ее робкий голос:

— Если по-другому до тебя не достучаться... Я сделаю, как ты хочешь, Артем.

Она говорит это и замирает, будто решается на последний шаг. Но я даю десять из десяти, что передо мной сейчас разыгрывается спектакль.

Ни хрена Майя не сделает.

Не станет унижаться перед десятками людей, пусть она здесь никого не знает. Эта девчонка не того склада характера.

Меня вот унизила легко, буквально выпотрошила своей изменой и последующим поведением.

А чтоб самой признать, что накосячила... Ни за что, ведь до последнего отпиралась, даже когда все доказательства были налицо.

Гордая птичка-королек.

Что ж, посмотрим, что ты придумала, на что надеешься. Думаешь, пожалею тебя, да? Скажу: «Ой не надо извиняться, милая, я тебе так все дам, принесу на блюдечке с голубой каемочкой». Три миллиона тебе надо? Пф-ф, легко. Прямо сейчас.

Проявлю широту души, треклятую доброту...

Вот только нет во мне никакой доброты. Была, да вся вышла, по крайней мере по отношению к первой жене.

Я салютую ей — мол, давай, милая, продолжай, раз начала.

Складываю руки на груди, всем своим видом показываю, что внимательно слушаю.

Предвкушаю момент позорного бегства Майи со сцены. Потому что никакой нормальный человек не станет на аудиторию из нескольких десятков людей признаваться во всем том, в чем я велел ей признаться. Унижаться, просить прощения.

Даже ради трех миллионов.

Я бы ни за какие деньги не стал. Она берет меня на понт, не более.

И тут Майя выдает:

— Я — блядь. Ты это хотел услышать, Артем?

Замираю в полнейшем ступоре.

Народ вокруг в тихом ауте. Все с круглыми глазами пялятся то на мою бывшую, то на меня.

Майя тем временем продолжает:

— Я нагуляла нашего ребенка. Прости меня за это, Артем! Я гулящая дрянь, которая тебя так обидела...

Наверное, в теории мне должно было бы понравиться это выступление бывшей, но в реальности... Ее слова действуют на меня как оплеухи.

Я понимаю, сам заказал этот конкретный концерт, даже пообещал его оплатить. Но, еб вашу мать, меня всего аж поджаривает изнутри после ее слов. Не могу ни смотреть на это, ни слушать.

Она это все мне назло. Клянусь, назло!

Майя смеет продолжать:

— Я предательница, тварь... Все что хочешь признаю, если тебе так легче...

Легче, ага. Куда там!

Не передать, как ее слова бьют по нервам.

Странное дело, унижается она, а больно от ее унижения почему-то мне.

Просто смотреть на нее больно. Наблюдать, как влажнеют ее глаза, как трясутся губы. Еще чуть-чуть — и она разрыдается при всех. Видно, что речь дается ей с огромным трудом, через себя сейчас переступает. Да что там, уже переступила, и не один раз.

Дура она, что ли? Я ведь не имел в виду то, что сейчас происходит. Я ведь на эмоциях сказал ей так сделать. На самом деле не хотел заставлять ее унижаться при всем честном народе.

Не успеваю понять мозгом, что делаю, а тело уже реагирует.

Я сбрасываю с плеча руку жены, которая впилась в меня мертвой хваткой.

— Артем! — зовет Инесса.

Но я даже не оборачиваюсь в ее сторону. Пробираюсь вперед, внаглую распахиваю гостей, которые замерли, разинув рты. Спешу к сцене, взлетаю на возвышение в один прыжок.

Сам не понимаю, зачем это делаю, почему. Но своего порыва остановить не могу.

Бросаюсь к Майе, сгребаю ее в охапку и буквально утаскиваю за сцену.

Подальше от любопытных глаз. Подальше от всей той мерзости, в которой мы оба искупались минуту назад.

Глава 5. Разбор полетов

Артем

Я не успокаиваюсь, пока не притаскиваю Майю в первую же попавшуюся свободную комнату. Ею оказывается небольшая гримерка за сценой, которую обычно используют артисты, что выступают в моем ресторане.

Сейчас здесь пусто.

Запихиваю Майю в комнату и показательно защелкиваю щеколду, отделяя нас от внешнего мира.

Майя отпрыгивает к противоположной стене, будто я разный, будто ей жизненно важно находиться от меня на приличном расстоянии. Само собой, это только подкидывает углей в жаровню моего гнева.

— Что это сейчас было? — рычу на нее. — Что за показательное выступление?

— Не понравилось? — шипит она с видом оскорбленной невинности.

— А должно было? — возмущаюсь я.

Вскользь отмечаю, насколько взволнованной она выглядит, кусает нижнюю губу чуть ли не до крови.

— Ты сам хотел, чтобы я это сделала, — стонет она с обидой. — Ты сказал...

Она определенно издевается надо мной. Неужели вправду

верит, что своим поведением хоть сколько-нибудь улучшила ситуацию?

— Ты дура, что ли? — с раздражением развожу руками.

— На хрена ты это все устроила? Вот на кой черт?

— Чтобы до тебя достучаться! — она стоит на своем. —

Ты ведь отказался слушать, ты...

Я злюсь еще больше, снова на нее рычу:

— Ко мне подхода не знаешь? Могла бы как-то по-женски подойти, по-хорошему. Я не изверг, между прочим, младенцев в полнолуние не ем. Дал бы я тебе денег и так, зачем ты...

Майя задыхается от возмущения.

— Я подходила! Я пыталась по-другому! — Она кривит губы, смотрит на меня со вселенской обидой. — Ты нормальный вообще? Сначала одно говоришь, потом другое...

Я-то нормальный, в отличие от некоторых.

— Мне этот спектакль на хер не нужен! — строго ее отчитываю. — Грош ему цена при нынешнем раскладе. Ведь я прекрасно понимаю, что виноватой ты себя не чувствуешь. Зато вышла на сцену, прямо как махровая жертва. Кидайте в нее камнями... А Артем типа такой мудака, что мало того что извиняться заставил, поиздевался, так еще и денег на лечение ребенка зажил. Так у тебя все в голове складывается в пазл, да?

— Да, именно так! — Она смеет с обвинением на меня смотреть.

Она. С обвинением. На меня!

С этим Майя явно не по адресу.

— Тебе ничего не стоит мне помочь, — стонет она и складывает руки в молитвенном жесте. — Для тебя ведь это не деньги даже!

Неужели она и вправду не понимает, что дело совсем не в деньгах.

— Не хер было ноги перед другим раздвигать, — я шумно дышу. — Сейчас бы не пришлось унижаться, просить. Все бы у тебя тогда было. Я бы тебе все обеспечил, даже луна с неба...

Майя отшатывается в сторону отвечает с надрывом:

— Я не раздвигала ноги! Ты себе это придумал...

На этой славной ноте меня кроет окончательно.

Сам не понимаю, за каким чертом бросаюсь к ней. Резким движением собираю ее волосы в кулак и цежу в лицо:

— Тогда за что ты сейчас при всех прощения просила? Цирк устроила, а сама...

— Ты сам мне изменял! — вдруг выдает она и морщится то ли оттого, что крепко держу ее за волосы, то ли от собственных горьких слов: — Так показушно, мерзко...

— Я?! — возвышаюсь над ней, буравлю полным негодования взглядом: — Пока ты жила со мной, я не смотрел ни на кого даже. Оно мне не надо было!

Мои слова — чистейшая правда.

Пока мы были вместе, я даже не думал ей изменять. Майя была для меня всем, что только могло быть важно в моей

далеко не самой счастливой жизни.

Да, после того как она гордо ушла, я натворил много разного. Но ей я не изменял никогда.

— Я видела, как ты целовал ту блондинку в сториз! — с обидой шипит Майя. — Я не дура...

Блондинка в сториз была, факт.

Я специально снял видео, выложил, чтобы хоть как-то задеть бывшую. Вот такой мелочный поступок, месть за ее тотальное ко мне безразличие. Ведь один раз ушла, и с концами — больше ни сообщения от нее, ни звонка. А я умирал без нее. Мне было так хреново, что даже вспоминать не хочу. Ну и что, что я ее сам выгнал, в разрезе тех событий это вообще неважно.

— Это было после нашего разрыва, — напоминаю ей. — До этого я ни с кем...

— Лгун! — кричит она. — Лгун, изменщик, жлоб...

Понять не успеваю, что со мной происходит, а сам уже прижимаю Майю к стенке. Тяну за волосы, заставляя запрокинуть голову, наклоняюсь к ее лицу и веду носом. Чувствую нежный персиковый аромат ее кожи, и меня окончательно ведет. Аж слюна выделяется.

Свободной рукой беру ее за шею, чуть придавливаю, а потом вконец наглею и легко провожу языком по щеке. Вкусно до одури.

Чувствую в штанах такой стояк, какого не было уже тысячу лет.

Мой спермотоксикоз тут ни при чем. Дело в Майе. Я обалдеть как сильно ее хочу, я так давно в ней не был...

— Артем не надо! — пищит она.

А мне на ее писк глубоко плевать.

Меня буквально скручивает и лихорадит от желания сделать с ней что-нибудь грязное, запретное. Заново ее присвоить. Хоть ненадолго, хоть на ближайшие полчаса...

Собственно, а почему на полчаса?

Я могу получить от нее намного больше. Способ неважен, главное — результат.

— Если хочешь, чтобы я тебе помог, — я помогу, но на своих условиях, — хриплю ей в губы.

— Каких? — спрашивает она испуганно.

— Ты теперь моя с потрохами, и слова «нет» в твоём лексиконе больше не существует.

Я понимаю, что творю дичь, но в данный момент мне как никогда хочется отключить голову, послать к чертям здравый смысл. Что и делаю, причем с удовольствием.

Внимательно изучаю Майю взглядом. Подмечаю, как вспыхивают ее глаза, на задворках сознания мелькает мысль: сейчас на хер пошлет. Оно и неудивительно, учитывая, что я ей предложил.

Но...

Она почему-то не шлет.

Смотрит на меня с лихорадочным блеском в глазах и шепчет:

— Мне очень срочно нужна помощь, Артем! Иначе я бы не пришла, попыталась как-то по-другому...

Мне смешно.

Как будто у нее были другие варианты. Будто есть еще какие-то знакомые, которые смогли бы выложить несколько миллионов здесь и сейчас за красивые глазки... Или за немое послушание в постели, как в случае со мной.

— Получишь помощь уже завтра, — говорю и чувствую, как срабатывают внутренние предохранители.

Это же все-таки Майя!

Не какая-то там девка с панели, а Майя...

Что я сейчас делаю? Покупаю собственную жену. Бывшую. Первую... Самую любимую. В прошлом. Сейчас я просто ее хочу. Причем насильно ни к чему не склоняю, если девушка готова продаться, я более чем готов купить.

А здравый смысл... Да кому он нужен, когда передо мной такой соблазн.

Я прижимаю Майю к стенке, веду губами по ее щеке.

Она вся трясется, не знает, как реагировать на мою близость. А меня ее трепет заводит еще больше. Меня все в ней заводит: ее частое, возбужденное дыхание, нервный румянец на щеках, изгибы фигуры, по-прежнему стройной, совершенной.

Кажется, вся кровь, какая есть, приливает вниз, член стоит как каменный. Хочу ее так, как, по-моему, не хотел даже в наш самый первый раз. А впрочем...

Я ведь помню наш с ней первый раз. Даже если бы мне сделали лоботомию, не забыл бы, потому что такое в принципе не забывается.

Мы с ней остались наедине у меня в квартире после моего дня рождения. И я попросил подарок интимного характера. Ведь встречались уже как пару недель, а в трусы залезть она мне тогда так еще и не дала.

Помню, как прижал ее собой к дивану, начал покрывать поцелуями лицо. А она шептала, что девочка, что никого еще у нее не было, и вообще совсем-совсем неопытная в любовных делах. Я, тогда еще двадцатипятилетний вчерашний пацан, дурел от ее признаний, они меня заводили даже круче, чем женский стриптиз.

Да, я поначалу думал, чешет мне и про девственность, и про то, что совсем неопытная. Оказалось, не чешет. Хотя это и удивительно, как девчонка с кукольной внешностью смогла остаться целкой к девятнадцати годам, а именно столько ей было, когда мы познакомились.

Мне было обалдеть как приятно стать ее первым...

Когда я в нее протиснулся, разрывая преграду, чуть не кончил от удовольствия.

Тогда решил по глупости, что раз был ее первым, стану единственным. Вот такая романтическая хрень лезла в голову, а душу топило щенячье чувство любви.

Никогда больше у меня подобного в жизни не было. Ни до, ни после Майи.

Зато теперь никакой романтики, никакой нежности.

Я резко разворачиваю Майю ко мне спиной, дергаю за молнию черного безразмерного платья, которое она напялила для встречи со мной. Не хочу терпеть и минутной задержки в диком желании смять ее нежную грудь в ладонях, а молния, сука, не слушается, не поддается.

Резко дергаю, и по комнате раздается звук разрываемой ткани. Это я, вместо того чтобы расстегнуть молнию, разорвал к чертям шов.

— Артем! — охает Майя жалобно.

Но локомотив моих желаний уже не остановить.

— Терпи! — рычу ей в ухо.

Чувствую, как Майю трясет от того, что с ней делаю, а меня это еще больше заводит.

Платье — не единственный предмет гардероба, который я на ней рву. Следующие на очереди черные колготки, всегда их ненавидел.

Я сую руки ей под платье, поддеваю чашечки бюстгалтера, с удовольствием мну упругие мячики ее груди. Провожу ладонями вниз, по впалому животу, трогаю лобок. Потом с силой поддеваю капрон и разрываю его пальцами.

Все что угодно, лишь бы быстрее добраться до желанной плоти. Мягких, влажных губ, нежной щелки, что она скрывает между ног.

— Артем! — снова стонет Майя.

Я зажимаю ей рот ладонью, а свободной рукой забираюсь

в трусы.

Майя цепляется обеими руками в мое запястье, пытается не пустить меня к самому сокровенному.

— Не смей сопротивляться, — рычу ей в ухо. — Иначе уговору конец. Сразу. Автоматом.

И она разжимает пальцы.

— Упрись ладонями в стену, — команду строго. — И прогнись, как я люблю. Ну же, давай...

Она слушается, чуть прогибается, позволяет моей руке скользнуть в ее трусики.

Веду пальцами по нежной, гладкой коже лобка.

Чувствую, как Майя инстинктивно сжимает ноги, заставляю ее их раздвинуть. Накрываю ладонью ее промежность и испытываю нечто сродни эйфории.

Как же я скучал по этой конкретной вагине. Тут все мое! Хотя бы на какое-то время...

Я нащупываю пальцами ее клитор, немного тру его, чуть сжимаю. Именно так, как ей это нравилось раньше.

Убеждаюсь в том, что дева в принципе совсем не против меня принять.

Она не истекает соками, как это бывало с ней раньше, но между ног у нее все вполне влажно. Она готова к тому, чтобы я ее взял.

Большого поощрения мне и не нужно, учитывая, что и без того еле сдерживаюсь.

Сам я даже не раздеваюсь. Просто расстегиваю на брюках

ремень, спускаю их вместе с трусами, и вот я в полной боевой.

Член стоит, как солдат на плацу, и рвется в бой.

Заставляю Майю прогнуться сильнее, чтобы удобнее было ее брать. Быстро достаю из бумажника резинку, которую храню там на всякий пожарный. Натягиваю презерватив на член и направляю его в щелку между ее половых губ.

Неожиданно захожу с трудом. Она за эти годы сузилась, что ли? Еле протискиваюсь внутрь, прямо как первопроходец.

— Давно не трахалась, что ли? — спрашиваю на ухо и освобождаю ее рот от своей ладони.

Вместо ответа Майя издает стон. Протяжный такой, сладкий.

По ходу дела, я не один скучал.

Я крепко хватаю ее за талию, дольше не медлю. С удовольствием в нее вдавливаюсь, мне так кайфово, что, кажется, звезды перед глазами начнут мелькать.

Двигаюсь резко, с нажимом. Вырываю из Майи полустоны-полувсхлипы, заставляю ее сжиматься внутри. Она стоически меня принимает. Терпит? Или нравится? Хер поймешь... Как-то я разучился за эти годы распознавать ее реакции.

Меня накрывает ожидаемо быстро. Дурею от ее узости, безотказности и собственной безнаказанности, даже от самого факта, что я трахаю не кого-нибудь, а бывшую жену.

Я кончаю, плотно прижав Майю к стенке, рычу ей в ухо от

яркого, слепящего, почти невыносимого удовольствия. Еще некоторое время нахожусь в ней, кайфуя от отголосков оргазма, лишь после этого отпускаю ее, делаю шаг назад.

Пока я поправляю одежду, Майя охает в панике:

— Как мне теперь выйти?

Ее вопрос неудивителен.

Волосы я ей растрепал изрядно, к тому же ее черное платье теперь свисает с одного плеча разорванной тряпкой.

Ну да, тут я малость переборщил. И вправду, не отправлю же я ее домой в таком виде.

— На вот, — с этими словами снимаю с себя пиджак.

— Как я так? — глаза Майи круглеют.

Я морщусь от того, насколько она расстроена.

Подумаешь, платье.

У меня тут только что был супероргазм, а она переживает о какой-то тряпке. Ей что, было совсем неприятно? Она сейчас не о шмотках думать должна, а обо мне.

— Я проведу тебя к черному входу, тебя отвезет домой мой водитель, — успокаиваю ее.

Потом подхожу к Майе, закутываю ее в свой пиджак, параллельно как бы невзначай обнимаю.

Вот так запросто. Взял, подошел, обнял.

Приятно до дрожи и... Можно. Она же моя теперь, так? С потрохами. Так что имею право хоть иметь ее, хоть обнимать. И то и другое обалдеть как приятно, вот такой я извращенец.

Майя, кажется, деревенеет от моих действий.

— Пойдем, — я беру ее за плечи, чуть подталкиваю вперед.

Однако, как только мы выходим в коридор, из-за поворота показывается Инесса.

Черт, я совсем забыл про жену.

Глава 6. Счастливо женатый

Артем

Мы с Инессой проходим в квартиру.

Я отправил Майю домой с водителем, вернулся на вечеринку вместе с женой. Гостей к тому времени уже успел отвлечь ведущий, местный любимец публики. Следующий час они даже не вспоминали о том, что случилось, веселились на полную катушку.

Возможно, наша с Майей личная драма и тронула кого, вот только смелости заговорить об этом не нашлось ни у одного из гостей. И правильно. Мне хотелось прибить любого, кто бросит лишь один косой взгляд в мою сторону. Подозреваю, что по мне это было видно.

После всего, что произошло этим треклятым вечером, лично у меня не было никакого настроения что-либо праздновать.

Немного побыв на вечеринке для приличия, мы с женой поехали домой.

Честно, я надеялся, у Инессы хватит мозга не задавать лишних вопросов. Просто оставить меня в покое.

Но нет...

— Может, ты наконец уже скажешь, что вы делали в гримерке? — шипит она, едва мы проходим в гостиную.

Хм, вот и начало милого семейного вечера.

— Учти, я не дура, — продолжает она возмущаться. — Я пойму, если ты мне солжешь! Я заслуживаю правду!

Не дура она, ага.

Прям нельзя сообразить, что я делал с бывшей, учитывая, в каком виде она вышла в коридор. Неужели вправду не догадывается?

Я внимательно смотрю на Инессу, пытаюсь определить, всерьез ли она задает свои вопросы. И с удивлением понимаю, что ничего привлекательного в ней для меня нет. Меня давно от нее не вставляет. А после сегодняшнего вечера — так особенно.

Пока решаю, пожалеть ее или нет, Инесса продолжает атаку криком:

— Отмолчаться не получится, Артем! Почему твоя бывшая устроила этот цирк? Зачем ты с ней там закрылся? Я хочу знать, что вы делали!

— Трахались, — пожимаю плечами.

Да, мог бы выразиться деликатнее или вообще смолчать, что-то придумать, но не захотел. Потому что достала своими воплями.

Как только произношу сакраментальное слово, Инесса встает на дыбы.

— Что вы делали? — спрашивает она, переходя чуть ли не на ультразвук.

При этом выпучивает глаза и, кажется, впадает в ступор.

Разъясняю:

— Ты просила правду, вот тебе правда. В той примерке я трахался с бывшей женой.

— И ты вот так просто мне это говоришь?! — голосит она как на пожаре.

— Децибелы прикрути, голова от тебя болит, — отвечаю с хмурым видом.

— Ты обалдел в край, Булатов! Если ты думаешь, что я тебе это прощу, то ты заблуждаешься! Это все, это конец. Считай, ты меня потерял!

Ох ты ж боже, какая потеря. Я, видно, сию же минуту должен резко начать сожалеть, убиваться, рвать на себе волосы и что там еще полагается делать. Но что-то не сожалеется мне никак. Даже наоборот — испытываю нечто вроде облегчения, ведь прекрасно понимаю, что последними словами ставлю точку в наших с Инессой отношениях. Странно, что только сегодня вечером я окончательно понял, что они себя изжили.

— Я подаю на развод! — кричит Инесса.

Пафосно кричит, будто вправду собирается сделать мне такой подарок.

И продолжает в том же духе:

— Я прямо сейчас соберу вещи и...

— Чемоданы в кладовке, — на всякий случай ей напоминаю.

— Что?! Ах ты меня еще и выгоняешь? Ну ты вообще...

Инесса потрясает руками в воздухе и, кажется, готова вцепиться мне в горло. Вот только силенками для этого не вышла. К тому же мне изрядно надоело слушать ее вопли, поэтому просто разворачиваюсь и ухожу.

— Куда пошел? — летит мне в спину. — Мы не договорили!

Игнорирую ее крик, иду напрямиком в кабинет и запираюсь там. Как только это делаю, в дверь врывается что-то тяжелое. С жалобным звоном разбивается, падает на пол. Ваза? Вполне возможно. Следом туда же попадает новый снаряд. Этот приземляется на пол с глухим стуком.

Эдак она устроит в гостиной полный пиздец.

Впрочем, неважно. Пусть веселится, выпускает пар, мне все равно.

Вызову клининг, приберут. Невелик вред.

А даже если она расколошматит все, что есть ценного в квартире... Так я не против сделать здесь ремонт. Чтобы ничего не напоминало о прошлом.

К тому же сейчас у меня есть дела интереснее скандала с женой.

Достаю телефон, долго гипнотизирую номер Майи.

Мне очень интересно, чем она сейчас занята, как себя чувствует, было ли ей со мной хорошо. Ведь как ни крути, а получилось грубо. Оно меня, конечно, не должно волновать, но волнует. Даже больше, чем я готов признать.

Будь у нас нормальные отношения, я просто позвонил бы.

По звуку ее голоса определил, как она. Раньше у меня это великолепно получалось.

Но все-таки не звоню ей.

Не хочу показать, как меня на самом деле беспокоит все, что с ней происходит. Не видать ей такого преимущества надо мной.

В то же время и молчать не могу.

Решительно снимаю ее телефон с блока и пишу сообщение: «Пришли мне все данные, я хочу сам проверить все, что касается операции Полины».

В конце концов, я имею полное право знать, на что пойдут мои деньги.

Она же не думала, что получит три миллиона просто так, верно?

Глава 7. На букву «М»

Майя

Лежу на диване рядом с кроваткой спящей дочери.

Я укрылась самым теплым одеялом, какое только нашлось у сестры в квартире, но все равно знобит. Такое чувство, будто у меня температура под сорок, хотя это не так. Сжимаюсь в позу эмбриона и чувствую, как между ног все пульсирует. До сих пор будто ощущаю Артема в себе...

— Сволочь! — тихо шепчу и стираю со щек слезы.

Я ожидала от него чего угодно, но только не того, что он в результате от меня потребовал.

Когда услышала его приказ заняться сексом, думала — показалось. В самом деле, зачем я Артему? За каким чертом ему понадобилось делать это со мной? Ему мало жены-модели? Или остальных любовниц, которые у него наверняка есть...

Стопроцентно Артем сделал это, лишь бы ударить меня побольнее.

Я по-прежнему его любимая груша для битья, сколько бы ни лупил по мне, все ему мало!

Заставил оболгать себя, обозвать блядью, а потом еще и воспользовался, как блядью.

Вот кто я для него...

Наверняка стремился показать свою власть надо мной. Раз пришла за деньгами, значит, считай, не человек. Уж тем более не любимая женщина. Больше того, никогда ею для Артема не была.

Почему я в этом так уверена?

Все просто.

С любимой женщиной не поступают так, как поступил со мной он.

Любимую не выставляют из дома через несколько недель после родов. Не суют липовых справок в лицо, не унижают и не оскорбляют...

Стоит мне вспомнить события трехлетней давности, как все внутри обжигает от дикой боли, какую тогда испытывала. Столько времени прошло, а я все чувствую, как вчера.

Сама себе поражаюсь.

Насколько живы мои обиды к Артему за то, что случилось три года назад! А я ведь думала, что отпустила... Впрочем, разве такое отпустишь? Стоило только встретиться с ним, снова попасть под каток его желаний, как все обиды разом заворочались внутри.

Я понимаю — сама виновата, сама к нему пришла.

Прекрасно знала, что он меня не ждет и что даже если согласится на мою просьбу, то обязательно придумает, как меня ранить, унижить или еще что. Ведь он обожает пускать мне кровь...

Но я все же не думала, что он захочет... Что я вообще

могу быть интересна ему в качестве сексуального объекта. Ведь он привлекательный мужик, как ни крути. К тому же при деньгах. Не думаю, что у него проблемы с тем, чтобы завести любовницу.

Надо как-то абстрагироваться, как-то настроиться, чтобы не мучиться, чтобы меня не ранили его поступки. Знать бы только как.

В конце концов, что такого ужасного со мной произошло? Позанималась сексом раз в три года... Для организма полезно. Мне не было больно. Противно тоже не было, ведь Артем есть и всегда будет привлекательным внешне. Даже было приятно местами, по крайней мере в те секунды, когда умудрялась отключать голову.

Это был просто секс, ничего больше.

Хотя кого я обманываю!

Это был совсем даже не просто секс, скорее способ Булатова показать, что я теперь полностью от него завишу.

Была бы возможность ни за что к нему не обращаться, я бы обязательно ею воспользовалась.

Радует одно — он согласился помочь. А раз согласился, значит поможет, так? Вон даже детали по поводу операции попросил, я все ему отправила.

Однако проще мне от последних мыслей не становится. Не знаю почему, но меня вдруг начинают есть поедом сомнения.

А вдруг он снова что-то придумает?

Вдруг решит, что я недостаточно хорошо постаралась там, в примерке? Он же уже один раз передумал, добавил к списку требований новый пункт.

Меня передергивает от того, через что пришлось пройти. В то же время понимаю — я бы и через много большее прошла, лишь бы получить те деньги. Мне о дочери надо думать, а не о гордости.

Мысль о том, что Артем может передумать, не отпускает. Очень скоро думаю только об этом и чувствую, как усиливается озноб.

Сама не понимаю, как пишу ему: «Мне жизненно важно получить эти деньги, Артем. Ты ведь не передумаешь?»

К счастью, он не мучает меня ожиданием, отвечает почти сразу: «Я уже назначил консультацию у своего специалиста на завтрашнее утро».

Какой-то специалист, консультация...

«Зачем это?» — тут же ему пишу.

«Я ни хрена не понял из присланных тобой выписок, хочу услышать мнение другого врача. Я должен четко понимать, на что пойдут деньги».

Читаю это и начинаю переживать еще больше.

Значит, теперь судьба моей дочки зависит от какого-то там незнакомого специалиста?

Не удерживаюсь, пишу ему: «Это твой способ увильнуть от выполнения обещания?»

Он отвечает: «Успокойся, я же сказал, что помогу, значит

помогу. Заеду за тобой завтра в девять, заберу и потом отвезу домой».

Сам заберет? Мне ехать с ним в одной машине? Это очень плохая идея! А вдруг он...

Сразу пытаюсь увернуться: «Скажи, куда приехать, я могу добраться сама».

«Сказал, заеду. Привыкай слушаться», — отрезает он.

Все-таки придется вытерпеть пытку совместной поездки.

Сколько же всего мне придется вытерпеть, пока все будет кончено?

Глава 8. С тобой

Артем

Мы с Майей сидим в кабинете главврача частной клиники. Того самого, который заказал для своей дочери свадебный банкет в моем ресторане.

Человек оказался отзывчивый. Не послал меня подальше, когда я позвонил ему вчерашней ночью, а вник в проблему, посмотрел документы, связался с ведущим кардиологом клиники, проконсультировался, выдал мне результаты.

К утру у меня на руках был уже полный расклад. Не утешительный ни разу, к слову.

Как оказалось, у дочери Майи и вправду очень серьезная ситуация, Майя мне не лгала. Но и выход из ситуации бывшая жена выбрала совсем уж паршивый, а точнее паршивую клинику и специалистов. К тому же операция девочке предстояла уж больно рискованная.

Теперь главврач, Рубен Артурович, в красках объясняет Майе, почему ей не стоит везти ребенка туда, куда она собиралась.

— Кто вам сказал, что та клиника надежная? — он поправляет очки на орлином носу. — Я бы не рекомендовал...

— Я, по-вашему, глупая? — яростно спорит Майя. — Я все проверила! Их лицензии, отзывы... Ни одного отрица-

тельного!

— Отзывы? — Рубен Артурович посмеивается. — Хотите я вам за пять рублей таких отзывов куплю, комар носа не подточит. Что-что, а насобирать приличных отзывов дело несложное.

— Но это же не маркетплейс, — стоит на своем Майя. — Кто станет врать про операции, это же...

— Я вас умоляю, — постукивает ручкой по столу врач. — Везде, где замешаны деньги, находятся люди, которые сделают что угодно, лишь бы их получить.

Майя выглядит прибитой к плинтусу, явно не знает, что сказать или сделать.

Рубен Артурович тем временем продолжает:

— Только недавно коллеги рассказывали про случай, похожий на ваш. В клинике, куда вы везете ребенка, малышке сделали три операции в течение нескольких месяцев и не спасли. Это не единичный случай. Я вам русским языком говорю, там деньги сосут, а их гарантии — липа.

— Что же мне делать? — охает Майя.

— Езжайте в кардиоцентр в столицу, — советует врач. — Там самое новое оборудование, специалисты. Еще раз досконально обследуетесь, там и сделают операцию.

— Я хотела туда! — стонет Майя обреченным голосом. — Я все заранее изучила, год ходила по врачам, по всем инстанциям справки собирала. У них там очереди на годы вперед, направления не достать, хотя Полина с рождения на уче-

те. Мы столько ждать не можем! А платно там цены не сложишь...

— Так уж не сложишь, — всплескивает руками Рубен Артурович. — Дорого, конечно, но не непосильно...

Для него, главврача, может и так. Но только не для Майи. И по ходу дела, тремя миллионами тут не обойдется.

Чем дольше мы здесь сидим, тем бледнее делается бывшая жена.

А я хмурюсь и жду, когда прилетит сакраментальная просьба: «Артем, устрой нас в центр, заплати за все на свете, ты же можешь».

Я ей джинн, что ли? Мне деньги девать некуда, кроме как тратить их на дорогостоящее лечение нагулянных в браке со мной детей. Это ж обалдеть какое приятное вложение капитала.

Однако от Майи прилетает совсем не просьба.

— Я уже заплатила им аванс... — признается она жалобно. — Так надо было, чтобы за нами закрепили время и место. У них ведь тоже очередь. А вдруг не вернут...

Не понимаю, чего она так дергается из-за каких-то копеек. Даже губы трясутся, когда говорит мне про треклятый аванс. Какую сумму она могла выплатить тем мошенникам? Десять тысяч? Двадцать? Пятьдесят?

— Какой аванс ты заплатила? — смотрю на Майю с прищуром.

— Три миллиона, — вдруг говорит она.

Вижу, как ее всю начинает трясти.

Честно сказать, меня самого потряхивает.

— В смысле? — свожу брови у переносицы. — Ты же у меня просила эти деньги, я их еще тебе не дал. Откуда ты...

— Квартиру продала, — тихо шепчет она. — Все в сумме, включая реабилитацию, у них стоит шесть миллионов, сто тысяч.

У меня аж чердак подтекает от последней толики информации.

— Ну и на кой хрен ты перевела им аванс на таких условиях? — таращусь на нее, как на идиотку. — Всерьез думаешь, им все авансы заранее высылают? Да они за такую сумму должны водить вокруг тебя хороводы, а не требовать каких-то там авансов.

После моих слов ее лицо теряет остатки красок.

Помаду она давно съела от нервов, и теперь ее губы кажутся мне почти такими же белыми, как и кожа.

Я, кстати, в курсе, что у Майи в имуществе ценного была только эта несчастная квартира. Все. Кроме того, чтобы выбить ее в свое время, она изрядно постаралась. И работает она сейчас за три копейки, то есть в обозримом будущем покупки нового жилья не предвидится.

И что? Она вправду готова жить на улице, лишь бы...

Кажется, только сейчас до меня доходит то, что, по сути, лежит на поверхности.

Это для меня Полина — доказательство измены жены.

Для нее-то дочка самая что ни на есть родная. Майя ради нее на все готова. Буквально на все, раз даже квартиру продала.

Я бы хрен продал на ее месте, потому что это какое-то ебанутое расставление приоритетов. Ведь надо думать наперед. И после операции тоже должна быть какая-то жизнь.

А впрочем, для своей дочки...

Для своей я бы не только квартиру продал, но и почку, кожу с задницы, роговицу и что там еще можно продать? Все бы продал. И колбасило бы меня сейчас ровно так же, как Майю. Которая, может, и хочет меня сейчас о помощи попросить, да только думает, что больше обещанного денег не дам.

Чем дольше я тут сижу с кислой миной, тем хуже ей дается.

Очень скоро она начинает непроизвольно всхлипывать.

— Успокойтесь, пожалуйста, — говорит Рубен Артурович.

— Майя, успокойся! — пытаюсь воззвать к ее сознанию. Но куда там.

У нее слезы из глаз как по команде. Сидит, размазывает их по щекам и будто оглохла, а заодно ослепла. Горь в лице столько, и такое оно искреннее, что пробирает меня до нутра.

В этот момент я не думаю о том, бывшая она или настоящая...

Горячо любимая девушка.

В прошлом.

Нет.

До сих пор... Хотя бы потому, что мне даже сейчас дико за нее больно.

Я вскакиваю со своего места, наклоняюсь к ней, обнимаю за плечи,

— Майя, Майечка, успокойся, пожалуйста. Я все сделаю. Я с вами поеду, обо всем договорюсь, все заплачу. Вылечим Полину, я тебе обещаю... Все обеспечу и с тобой поеду, слышишь? Буду с тобой!

Глава 9. Успокой меня

Артем

Я увожу Майю из кабинета главврача, продолжая держать за плечи. Обнимаю, пока мы спускаемся на лифте.

Мы идем по парковке на нулевом этаже, и я стараюсь подстроиться под ее маленькие шажки, хотя это сложно. Ведь привык ни на кого не равняться и быстро ходить.

Майя тихо всхлипывает, но вроде как успокаивается.

А меня от всей этой ситуации колбасит не по-детски.

— Почему ты не обратилась ко мне раньше? — строго ее отчитываю. — Ты должна б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.